

ЮРИЙ ШАПОВАЛ

Институт политических и этнонациональных исследований НАН
Украины, Киев

**МЕХАНИЗМ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГПУ-НКВД НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА-ФОРМУЛЯРА
АКАДЕМИКА М. ГРУШЕВСКОГО**

Для того, чтобы глубже понять тему, вынесенную в заголовок, необходимо сначала хотя бы кратко остановиться на том, что представляет собой дело-формуляр. Как известно, в коммунистической спецслужбе существовали две основные категории агентурного аппарата: осведомитель (информатор), который давал так называемую первичную информацию, и агент, который принимал участие в агентурных разработках. Именно с осведомителей и начиналось ведение дел-формуляров, которые заводились в случае, если сведения о конкретных лицах были/считались важными. Эти дела заводились разными оперативными отделами после предварительной проверки первичных сведений.

В случае с Михаилом Грушевским дело-формуляр за номером 1023 было открыто 24 марта 1924 года по постановлению уполномоченного 1-й группы Контрразведывательного отделения Киевского губернского отдела ГПУ Г. Эймонтова. Как и другие, этот отдел ГПУ занимался изучением и освещением всех категорий населения, считавшихся основными в тогдашнем обществе, а среди них и научной интеллигенции. Главным поводом для открытия дела М. Грушевского послужило то, что этот известный украинский ученый-историк, был еще и политиком. В частности, он возглавлял Центральную Раду, противостоявшую большевикам в 1917-1918 годах. Именно это обстоятельство оказалось ключевым не только для заведения на него дела-формуляра, но и для дальнейшей постоянной разработки сведений о нем. Ученому был присвоен псевдоним – „Старик”.

М. Грушевский вернулся из Вены из вынужденной эмиграции 8 марта 1924 года. Это возвращение было для него компромиссом: он выполнил требование большевиков отойти от активной политической деятельности в Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), публично декларировал свою лояльность коммунистическому режиму, который в это время проводил политику „украинизации” и принял предложение со временем занять пост Президента

Всеукраинской академии наук (ВУАН). При этом, не доверяя словам новой власти, он добился выдачи двух письменных документов – „охранных грамот” для себя. Первым было письмо от Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) о том, что он может свободно проживать в УССР и никаких претензий за его прошлое ему не пред’является. Второй документ подписали глава Правительства УССР Влас Чубарь и председатель ГПУ УССР Всеволод Балицкий, которые подтверждали, что академик не подлежит обыскам, арестам и преследованию¹.

Ни одно из этих обещаний никогда не будет выполнено: Грушевский не станет Президентом ВУАН, в 1931 году ему запретят проживать в Украине, в июне 1927 года он будет подвергнут внезапному и тотальному обыску, в марте 1931 года арестован, а преследовать его будут до самой его смерти в Кисловодске в ноябре 1934 года.

В немалой степени все эти действия режима против ученого будут определяться содержанием того дела-формуляр, которое было заведено в марте 1924 года. Это дело насчитывает 9 томов и содержит более 4000 различного рода документов и материалов. Наиболее полно здесь представлены прежде всего сообщения секретных сотрудников ГПУ, спецдоклады, агентурные и оперативные записки (или выписки из них), циркуляры, служебная переписка чекистов, касавшаяся личности М. Грушевского, письменные заявления против него, написанные его недоброжелателями в органы ГПУ, результаты перлюстрации переписки, причем не только писем ученого и писем к нему, но и переписки других лиц, писавших о нем или просто упоминавших имя М. Грушевского. Анализ всего этого материала показывает, что для М. Грушевского его жизнь с 1924 года в Украине, а с 1931 года и в России, была по сути жизнью в „стеклянном доме”. Фактически каждый его шаг в научной, общественной и личной сфере фиксировался, тщательно изучался и уже затем чекисты вырабатывали рекомендации действий относительно академика.

Секретные информаторы

Самым первичным материалом были, конечно, сообщения секретных сотрудников, которыми были в окружении ученого. Правда, произошло это не сразу, а на протяжении 1925-1926 годов, поскольку сначала чекисты считали, что более опасным является доминировавшая в ВУАН группа академика С. Ефремова. Более того, начальник Контрразведывательного отдела ГПУ УССР В. Иванов еще в марте 1924 года настаивал: „Нужно создавать сеть из наших агентов не вокруг Грушевского, а вокруг Ефремова...”². Однако вскоре верх взяла точка

¹ Подробнее см.: В. Пристайко, Ю. Шаповал, *Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924-1934*, Київ 1996, с. 19-34.

² Государственный архив Службы безопасности Украины, Киев (далее: ГА СБУ), дело-формуляр на М. Грушевского 7537, т. 4, л. 9.

зрения, в соответствии с которой М. Грушевский возвратился в Украину для проведения борьбы против большевистского режима изнутри. Сразу после приезда ученый встретился со своими коллегами по УПСР и в разговорах с ними давал критическую оценку ситуации в Украине. Эти разговоры были немедленно зафиксированы информаторами, каждый из которых имел свой псевдоним. Некоторые из этих сексотов, например „Киевский”, очевидно ученый из ВУАН, использовались для того, чтобы чекисты поняли роль и место академика в политической истории Украины XX столетия. В этом случае сообщения часто походили на исторические справки. Одним из самых важных был информатор „Дипломат”, не только близкий к академику в ВУАН, но и старый его товарищ по УПСР.

Важным агентом был бывший профессор Нежинского педагогического института Константин Штепа, завербованный в 1928 году. Он переехал в Киев в 1930 году и использовался как агент Секретно-политического отдела Киевского областного отдела ГПУ под псевдонимом „Медведь”. Он сыграл роковую роль и в судьбе дочери академика Екатерины, дав ложные сведения, послужившие основой для ее ареста и осуждения.

В августе 1934 года для разработки М. Грушевского был вызван агент „Химера”. Перед этим он находился в ссылке и использовался для разработки ссыльных украинцев. Этот человек был очень близок к Грушевскому в прошлом. В Москве ему устроили „случайную” встречу с академиком, он побывал семье Грушевских и возобновил старые связи, что крайне нужно было чекистам.

Прежде всего информаторы зафиксировали позитивные и негативные качества самого академика и его отношения с другими учеными. Так, в сообщении секретного сотрудника „Белого” от 1 сентября 1925 года читаем: „Академик Грушевский Михаил Сергеевич – выдающаяся фигура во всех отношениях. Организатор большой величины. Верен раз данному им слову, хотя бы обстоятельства и разрешали его не исполнять. Умеет при случае забывать на время свои личные отношения и говорить с врагом как с другом. Большой интриган. Лстец. Любит заходить в интриге с тылу, через задние двери. Личность большого размаха. В полит(ическом) отношении не может забыть своего прошлого”³.

Уже упомянутый „Киевский” в апреле 1924 года сообщал: „Самое главное и самое сильное средство Грушевского, которое он всегда пускает в ход под самыми разнообразными, под самыми незаметными на первый взгляд мотивами – это прошлое Украины, прошлое блестящее, удивительное и богатое перспективами. Склад ума Грушевского, его линия работы, его поведение со своими сотрудниками можно только сравнить с политикой высокообразованного иезуита. Нужно отдать полную справедливость Грушевскому в его умении действовать на людей и ставить их в моральную или – что самое главное – в материальную зависимость от себя. Его принцип – никогда не отпускать человека,

³ Там же, т. 1, л. 100.

обращающегося к нему за помощью, поддержкой или советом, без удовлетворения. Конечно, если обращающийся к нему человек украинец”⁴.

При этом „Киевский” подчеркивал опасность научно-организаторской деятельности академика, который редактировал журнал „Украина”. Для информатора этот журнал выступал как центр и символ антисоветской деятельности М. Грушевского: „В согласии с научностью журнала даже внешность „Украины” исключает малейшие признаки, указывающие, что журнал выходит при Советской власти. По обложке журнала вы можете отнести его ко временам и Гетмана, и Петлюры, и Центральной Рады, но никак не Советской власти, тем более, что надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», конечно отсутствует”⁵.

Наконец, „Киевский” указал на еще одно важное обстоятельство, которое особенно внимательно было воспринято чекистами – на то, что М. Грушевский создает в разных регионах Украины академические структуры по изучению местной истории и фольклора. По мнению „Киевского”, цель этого состоит в том, что местные сотрудники „будут являться осведомителями, будут теми „светочами”, которые должны держать высоко идею академии со всеми вытекающими отсюда последствиями”⁶.

Действительно, возглавив после возвращения Историческую секцию ВУАН, М. Грушевский развернул поистине колоссальную научно-организационную деятельность по изучению прошлого Украины. Он имел достаточно амбициозные планы, например создание Института истории Украины и Института примитивной культуры. Эти планы, а также организация ним порайонного изучения Украины воспринимались чекистами как попытка академика стать центром притяжения сил, способных противостоять режиму. Об этом сразу же были информированы партийно-государственные структуры, которые по теперь понятным причинам начали пересматривать свои первоначальные планы относительно М. Грушевского.

Еще до возвращения М. Грушевского в ВУАН стало ясно, что он обречен на бескомпромиссное/бесперспективное противостояние с группировкой во главе с академиками Сергеем Ефремовым и Агатангелом Крымским. Последние не могли простить ему компромисса с большевиками и имели большие сомнения в „чистоте” идеологии М. Грушевского. Поэтому накануне его возвращения группа Ефремова-Крымского выработала свое негативное отношение к нему. И на это в сообщениях сексотов было обращено внимание. Например, секретный сотрудник „Ом” 6 мая 1926 года сообщал: „В украинских кругах между группами Крымского и Грушевского идет глухая незаметная рознь. Группа Крымского сейчас сильнее и она более искренно относится к власти. На эту группу ориентируется значительное большинство членов, особенно молодежи. Грушевский постепенно теряет свой авторитет как политическая величина... Обе

⁴ Там же, л. 93-94.

⁵ Там же, л. 94.

⁶ Там же.

группы имеют тенденцию к углублению самостоятельности Украины, однако в этом вопросе они очень сдержанны, хотя из отрывков мыслей выясняется недовольство существующей степенью украинизации, причем многие считают украинизацию мифом, указывая, что фактически остались тенденции централизации”⁷.

Непосредственное слежение за ученым пока он (до отъезда в 1931 году в Москву) проживал в Киеве на улице Паньковской, 9, осуществляли киевские чекисты, которые постоянно информировали о своей работе свое харьковское начальство. Но не просто информировали. Уже 15 марта 1924 года они ставят вопрос о том, как **использовать** академика. По их мнению было две возможности:

1. сделать его Президентом ВУАН при условии, что он будет проводить в Академии партийную линию;
2. использовать по „чекистской линии”, путем „создания вокруг него сети наших людей, которые, прикрываясь его именем, будут проводить наши задания”⁸.

24 марта начальник Секретно-оперативной части и начальник контрразведывательного отдела ГПУ УССР раскритиковали киевских коллег, заметив при этом, что „никакой политической выгоды для нас Грушевский на президентском кресле Академии наук не представляет”, а главная задача состоит в „усилении разногласий в верхах украинской шовинистической общественности”⁹.

Агентура ГПУ-НКВД была мобилизована на то, чтобы недопустить единства в рядах украинцев, чтобы раскол углублялся. Следует признать, что эта работа увенчалась успехом.

Чекистские директивы и аналитика

В деле-формуляре сохранилась в большом объеме циркуляры, служебная переписка чекистов, спецсводки, обобщающие аналитические документы о М. Грушевском. Это чрезвычайно любопытная часть дела-формуляра, поскольку она содержит много ценной информации о внутренних отношениях чекистов и методах их работы.

Так, например, до появления М. Грушевского киевские чекисты, как они признавались в одном из писем начальнику Секретно-оперативной части ГПУ УССР В. Иванову, серьезно не занимались украинскими эсерами, поскольку „на них смотрели, как на вырождающиеся, немощные группировки...”¹⁰. Вскоре, однако, ситуация кардинально изменилась и бывшие члены УПСР стали одними из основных клиентов ГПУ. „<...> Нами, – сообщали вскоре в центр киев-

⁷ Там же, л. 206.

⁸ Цит. по: В. Пристайко, Ю. Шаповал, *Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД...*, с. 131.

⁹ Там же, с. 134.

¹⁰ ГА СБУ, Киев, дело-формуляр на М. Грушевского, 7537, т. 4, л. 11.

ские чекисты, – принимается целый ряд мер к изысканию лазеек и завербования осведомления среди приверженцев Грушевского”¹¹.

Очень часто работа Киевского отдела вызывала недовольство харьковского начальства. Особенно показательной была ситуация с подготовкой к юбилею М. Грушевского в сентябре 1926 года. Тогда было решено отметить 60-летие ученого и 40-летие его научной деятельности. С самого начала стало ясно, что празднование может содействовать не только укреплению авторитета академика, но и может стать своего рода манифестацией, напоминанием о том, что М. Грушевский в историю Украины вошел не только как исследователь, но и как политик, руководитель борьбы против большевиков.

Случилось, однако так, что о предстоящем юбилее в Харькове в ГПУ узнали из газеты „Коммунист”, а не от работников КО ГПУ. 10 сентября 1926 года заместитель Председателя ГПУ К. Карлсон присылает в Киев „Указания об академике Грушевском”, в котором выражает недовольствие работой киевлян и предлагает подвергнуть административному взысканию уполномоченного Секретного отдела КО ГПУ В. Гражуля (Дорина). 13 сентября киевские чекисты присылают ответ, пытаются оправдаться тем, что поскольку были каникулы и преподаватели и сотрудники ВУАН были в отпусках, КО ГПУ не смог собрать надлежащей подробной информации: „Поэтому мы свое внимание обратили на охрану этого юбилея. Конечно, «Дипломат» и все наличное осведомление будут прошушивать все время, как настроение Грушевского, так и других кругов украинской интеллигенции, и мы вас будем держать в курсе событий... Летний период, как всегда, ослабил и сейчас нашу работу по интеллигенции, но мы и его использовали и в ближайшем докладе сообщим вам о вербовке целого ряда ассистентов видных педагогов и других деятелей украинской культуры.

На основании изложенного просим считать случившееся упущением с нашей стороны и просим вас отменить ваше распоряжение о наложении административного взыскания на работников СО по интеллигенции”¹².

Однако позиция К. Карлсона была незыблемой. 21 сентября он прислал свой ответ, в котором он настаивал на наказании и подчеркнул, что „своевременное реагирование аппарата отдела на все события в контрреволюционных кругах, правильное использование наличной у вас может и неплохой агентуры, не будет вызывать в дальнейшем таких мер с нашей стороны”¹³.

Доменты из дела-формуляра показывают, как много хлопот своим юбилеем М. Грушевский доставил чекистам, а также партийным и государственным органам. В полной мере это отаражают спецсводки, составленные на основании сообщений секретных сотрудников (интересно, что если мнения сексотов расходились, то чекисты в спецсводках обозначали, кому именно данное мнение принадлежит). Киевские чекисты в спецдокладе сделали такие предваритель-

¹¹ Там же, л. 13.

¹² Там же, л. 100-101.

¹³ Там же, л. 106.

ные выводы о юбилее: „юбилей в целом прошел бледно, взаимоотношений с Грушевским он не определил, этому в достаточной степени способствовало колебание в вопросе об отношении нашем к юбилею и история с автобиографией. По-видимому, придется сейчас искать предлог для того, чтобы опять Грушевского вызвать на откровенность”¹⁴.

Весь собранный материал о юбилее лег в основу обобщающего „Спецдоклада о юбилее Грушевского”, подготовленного в ГПУ УССР не позднее 10 октября 1926 года и направленного в партийные органы. Авторы этого документа избегали категорических выводов, но констатировали, что юбилей практически не затронул периферию.

Целый ряд документов под названием „Об академике М.С. Грушевском”, которые сохранились в деле, показывают, что чекисты сочли нужным информировать партийно-государственные структуры об угнетенном состоянии ученого, о его тяжелом материальном положении, о нехватке средств на издание научной продукции и даже о чрезмерно резком отношении к нему некоторых представителей партийногосударственной номенклатуры (в первую очередь П. Любченко, который возглавлял Киевский исполком).

Сохранилась также уникальная переписка о том, как чекисты хотели воспользоваться этим состоянием ученого. Они дали задание секретному сотруднику „Европейцу” переговорить с М. Грушевским о его более активной общественной работе, например, о вхождении его в состав Киевского городского Совета. Вот что говорилось об этом в одном из специальных сообщений: „Воспользовавшись первым представившимся удобным случаем, «Европеец» поговорил с Грушевским, однако результаты оказались неудовлетворительными. Сначала Грушевский отделывался шутками, а затем, когда «Европеец» продолжал более настойчиво расспрашивать его, Грушевский резко прервал его и отказался продолжать разговор”¹⁵.

Это нежелание М. Грушевского идти на явное сотрудничество с режимом делало его в глазах чекистов человеком „с двойным дном”. Тем более, что при этом академик оставался в контакте со своими бывшими коллегами по УПСР, такими, например как И. Лизанивский и Т. Черкасский. Последние, в частности, фигурируют в ряде документов в качестве людей, стремившихся влиять на поведение М. Грушевского, особенно после того, как продолжающиеся скандалы с представителями группы Ефремова-Крымского сделали невозможной нормальную работу в ВУАН. В этих условиях чекисты получили сведения о том, что академику рекомендовано его сторонниками уйти из Академии. 29 декабря 1927 года в одной из спецсводок читаем: „По нашему мнению – это и мнение тов. Корнюшина, коорый сегодня выезжает в Харьков и этот вопрос будет ставить на ЦК – необходимо приложить все усилия к тому, чтобы «Старика» из академии не пускать... В связи с этим встанет вопрос о мерах, необходимых для большего привлечения Грушевского к нам”¹⁶.

¹⁴ Там же, л. 197.

¹⁵ Там же, л. 392.

¹⁶ Там же, л. 460.

Однако ГПУ давало рекомендации не только в вопросе о привлечении М. Грушевского к сотрудничеству. Интересно то, что чекисты решили судьбу его научной командировки за границу в 1928 году на Международный этрусский конгресс в Италии и на Международный конгресс историков в Норвегии. Ученый подал заявку о выезде в Историко-филологическое отделение ВУАН, однако не академическое начальство приняло решение. В деле-формуляре сохранилось уникальное рукописное „Заключение” начальника Секретного отдела ГПУ по этому вопросу: „Последние имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что академик М.С. Грушевский упорно стремится выехать за кордон. В нашем распоряжении имеется копия письма жены Грушевского к нему, в котором она, вспоминая, как они приехали в СССР, пишет: «Столько за это время всякого бывало, что верить не хочется, что всего 4 года: хватилобы на восемь еще на больше. поэтому совершенно необходимо, чтобы ты переменял атмосферу».

Жена и дочь Грушевского в настоящее время находятся за границей (под Веной).

Имеются основания полагать, что после недавних провалов Грушевского в Академии (неизбрание его) он думает совершенно выехать из СССР, что политически для нас невыгодно.

Из этих соображений СО ГПУ СССР считает необходимым в выдаче разрешения на выезд Грушевскому отказать¹⁷.

С конца 1927 года стало официально известно, что М. Грушевский не будет Президентом ВУАН. Правда, пилюлю ему подсластили: 12 января 1929 года с разрешения и по рекомендации власти его избирают академиком Всесоюзной академии наук.

В этот период уже была начата атака на научную школу М. Грушевского и в том же январе 1929 года Политбюро ЦК КП(б)У принимает решение об изменении линии „относительно материальной поддержки Грушевского”¹⁸. В печати развернулась погромная критика его взглядов. В частности, с резкими нападками на него выступили некоторые участники Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, которая работала в Москве в декабре 1928-в начале 1929 года.

В то же время в спецсводках КО ГПУ находим оценки, расхвалившиеся с официальной точкой зрения. Особенно характерны высказывания секретного сотрудника „Европейца”, который считал, что „со стороны Соввласти по отношению к Грушевскому взята неправильная линия, которая приводит ко все большему расхождению между Грушевским и Соввластью... «Европеец» утверждает, что все время чувствуется какое-то недоверие Грушевскому, которое, по мнению с/с не имеет оснований, так как Грушевский себя определил, в случае войны ему некуда деваться и он бы пошел работать с Соввластью, если б ы для птого были предприняты соответствующие меры... Грушевский оставил свою старую платформу, хотя и не пришел еще целиком к платформе

¹⁷ Там же, л. 480.

¹⁸ В. Пристайко, Ю. Шаповал, *Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД...*, с. 78.

коммунистической, а стоит посередине между этими платформами. Таким образом, мнение «Европейца» сводится к тому, что Грушевский работать с Соввластью может, но для этого нужно, чтобы власть пошла навстречу Грушевскому¹⁹. Это довольно важный момент, поскольку цитируемая сводка была адресована партийно-государственному руководству, которое имело собственное мнение о М. Грушевском.

В 1929-1930 годах продолжался погром научных учреждений, руководимых М. Грушевским или созданных при его участии. В деле формуляре сохранились документы, отражающие этот процесс. Особенно усилилось давление на ученого, когда начались аресты по делу „Союза освобождения Украины” („СВУ”), лидером которого был объявлен академик С. Ефремов, враждовавший с М. Грушевским и арестованный в июле 1929 года. Тщательно отслеживали чекисты факты, когда ученый пытался защищать своего вчерашнего врага, протестовать против травли С. Ефремова, устроенной на самом высоком уровне.

Собирались и анализировались также высказывания С. Ефремова, сделанные им в камере. Информатор, находившийся в то время рядом с ним, зафиксировал их. В частности 16 ноября 1929 года, вернувшись с допроса, С. Ефремов говорил о М. Грушевском: „Насколько это большая фигура в обществе, настолько он мелочен в своем характере, интриган, склоняется всегда в сторону сильных (вступил в партию эсеров летом 1917 г. потому, что она была господствующей), завистлив, честолюбив, а особенно большой сребролюбец и стяжатель... Борьба была на руку тем, кто думал поквитаться со мною и еще другими неугодными элементами в Академии. Она (борьба), будучи искусно раздута, и обработана, привела в результате вот к этому грандиозному и бессмысленному делу и разгрому Академии. Я Грушевскому говорил, когда заварилась эта каша, что пострадаю не только я, но и Академия и сам он, потому что в конце концов возьмутся и за него. Он сам был поражен происшедшим и беспомощно оправдывался, что он не ожидал, что может это выйти”²⁰.

В документах 1930-1931 годов нашли отражение стремления чекистов знать все подробности о М. Грушевском, тем более, что в это время начались первые аресты по делу „Украинского национального центра” („УНЦ”) и в протоколах допросов арестованных часто фигурировало имя М. Грушевского²¹.

В январе 1931 года вместо возглавляемой М. Грушевским Исторической секции ВУАН был создан Исторический цикл во главе с новым руководством, а в марте того же года он выехал в научную командировку в Москву, где слежка за ним – особенно после неудачной попытки харьковских чекистов „сделать” из него лидера „УНЦ” – будет продолжаться, а 23 декабря 1933 года на него будет заведено новое дело-формуляр как на имеющего связь с „антисоветским элементом”. Это 9-й том дела-формуляра, долгие годы находившийся

¹⁹ ГА СБУ, Киев, дело-формуляр на М. Грушевского, 7537, т. 4, л. 496-497.

²⁰ Там же, т. 5, л. 314.

²¹ Подробнее см.: В. Пристайко, Ю. Шаповал, *Михайло Грушевський: справа „УНЦ” і останні роки (1931-1934)*, Київ 1999.

в Москве, а с 1965 года хранившийся в КГБ при Совете Министров УССР. Этот том содержит преимущественно документы московского периода и последних месяцев жизни академика в Кисловодске, включая копию его истории болезни, которая, как считалось ранее, не сохранилась.

Перлюстрированная корреспонденция

Как известно, перлюстрация корреспонденции всегда была одним из важнейших каналов добывания чекистами необходимой информации. Случай с М. Грушевским не является исключением. Перлюстрации подвергалась практически вся корреспонденция, включая личную переписку. В силу этого эта часть из дела-формуляр имеет большое значение для изучения многих страниц биографии ученого. Многие письма, точнее меморандумы писем прилагались к спецсводкам.

В деле сохранились также письма недоброжелателей, которые считали, что М. Грушевский предаст интересы борьбы за независимость Украины, вернувшись из эмиграции. В частности сохранилось письмо читателей газеты „Діло” (фактически это было письмо от Закардонного Комитета УПСР), переданное ему в Вене перед отъездом. Там были такие слова: „Подумайте над тем, что Вы делаете. Вы можете успокоить себя. Вы можете успокоить свою собственную совесть, но Вы никогда не заставите украинский народ думать так, как Вам хочется, чтобы он думал о Вас. Он будет думать так, как Вы заслужили своими поступками... Вы уже сами себе не принадлежите, Вас будет судить не только Ваша совесть, но и все потомки тех миллионов украинского трудового народа, который в сердечной искренности вложил в Ваши руки доверие и руководство в борьбе за его национальное и социальное освобождение, за независимую Республику свободно-украинского трудового народа”²².

На письме есть автограф чекиста Е. Кривца: „Письмо это от Зак. Ком. УПСР Грушевский получил еще в январе в Вене и дал тогда им ответ. Сейчас это письмо посылается в Киев не для вручения Грушевскому, а очевидно для распространения в украинском обществе с целью компрометации Грушевского”²³.

Перлюстрации и тщательному изучению подвергались письма М. Грушевского к тогдашнему руководству. Например, им было написано письмо на имя Председателя Совнаркома УССР В. Чубаря, в котором он отвергал обвинения в свой адрес в том, что он не признал Советскую власть²⁴.

Особенно интересовались чекистами теми людьми, которые писали М. Грушевскому и поддерживали его. Эти письма, как правило, сопровождались указаниями взять на учет тех, кто писал академику. Вот какое указание ГПУ УССР Одесскому окружному отделу ГПУ прилагалось, например, к письму В. Гадзинского из Одессы 9 сентября 1926 года: „Киевским окротделом ГПУ под

²² ГА СБУ, Киев, дело-формуляр на М. Грушевского, 7537, т. 4, л. 18.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 96-99.

54-546520 послан вам документ, который пришел от Гадзинского на адрес Грушевского. Из содержания документа видно, что Гадзинский представляет собой антисоветского человека, требующего постоянного наблюдения.

Обращая на это ваше внимание, предлагаем оповестить нас, какие материалы на него есть у вас, есть ли у вас соответствующий подход к обслуживанию его и т.д.²⁵.

Наконец значительный массив перлюстрации составляют письма противников М. Грушевского, из которых сотрудники ГПУ черпали информацию о том, кто и что собирается предпринять против ученого. Это помогало чекистам выстраивать собственную линию поведения.

На сегодняшний день перлюстрированные письма являются наименее изученной частью дела-формуляра, хотя ценность этой части весьма значительна.

Краткие выводы

Таким образом, анализ документов из дела-формуляра на М. Грушевского может служить хорошим образцом для исследования информационной деятельности ГПУ-НКВД, поскольку дает представление о том, какие именно механизмы лежали в основе такой деятельности. Вместе с тем пример данного дела-формуляра показывает, как важно при научном исследовании использовать не вторичные, а первичные документы, которые, к сожалению все еще остаются малодоступными исследователям коммунистического тоталитаризма в Украине и в России. Отсюда – предложение: в ближайшее время можно было бы подготовить и издать в переводе на английский язык наиболее интересные документы и материалы из дела-формуляра на М. Грушевского, сделав тем самым доступными их для исследователей разных стран.

Библиография

Архива

Государственный архив Службы безопасности Украины, Киев, дело-формуляр на М. Грушевского, 7537, т. 1, 4-5

Печатные источники

Пристайко В., Шаповал Ю., *Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924-1934*, Київ 1996

Пристайко В., Шаповал Ю., *Михайло Грушевський: справа „УНЦ” і останні роки (1931-1934)*, Київ 1999

²⁵ Там же, л. 110.

Summary

**The mechanisms of surveillance activity of the GPU-NKVD
on the example of professor M. Hrushevsky's case**

On the basis of unique and previously unavailable documents and materials, the Author analyses the mechanisms of surveillance of Mykhailo Hrushevsky after his return from emigration to Ukraine in 1924. From that time until his death in November 1934, the outstanding scholar was under constant surveillance by GPU-NKVD. Why and how was his surveillance organized? How did the fact that Hrushevsky drew the attention of the Chekists affect his fate? The readers will find the answers to those questions and more in this article.